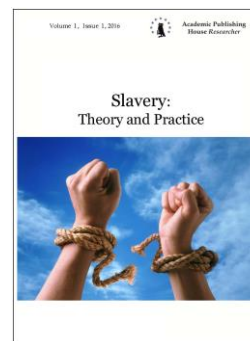

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 2019, 4(1): 35-41

DOI: 10.13187/slave.2019.1.35

www.ejournal43.com

Reviews

Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. «Nabezhavshimi khishchnikami vzyat v plen...»: Poles in captivity among the highlanders of the North Caucasus. Pyatigorsk: PSU, 2018. 84 p.

Sergey L. Dudarev ^{a,*}^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

A study by professors of the University of Pyatigorsk is devoted to the previously little-studied subject of people of Polish nationality held captive by the mountaineers of the North Caucasus. They were in the hands of the mountaineers due to the fact that as a result of various historical events (the participation of the Poles on the side of Napoleon in his campaign against Russia in 1812 and the suppression of the Polish uprising of 1830–1831 by the tsarist troops) they were in the territory of this region. The authors consider the circumstances of the capture of the Poles by the mountaineers, which allows us to highlight a number of typical situations and causes associated with this. They are partly similar to those in which the highlanders found themselves prisoners of war and deserters of Russian origin (reckless behavior on the way, abduction, desertion, the desire to avoid violence by commanding persons, the desire to fight the Russian army on the side of the highlanders, etc.) Historians also paid attention to the ways of adaptation of captured Poles in the mountain environment, which, above all, among the Circassians, in most cases were in the position of slaves. The peer-reviewed work enriches our ideas about the situation of persons of foreign origin who were in mountain captivity in the first half of the 19th century in the North Caucasus.

Keywords: Napoleonic wars, Patriotic war of 1812, Polish uprising of 1830–1831, captive and exiled Poles, mountaineers' raids, frontier, "double captivity", Poles in slavery of the mountaineers.

Книга двух профессоров Пятигорского университета посвящена интересной и необычной теме – нахождению в плену поляков с вытекающими из этого историческими формами зависимости, имевшими место в XIX в. в горской среде Северного Кавказа.

Первая часть работы посвящена выяснению авторами обстоятельств появления поляков на Северном Кавказе, которое осуществляется ими на фоне военно-политической ситуации на данной территории в первой половине XIX в. Корни описываемого Ю.Ю. Клычниковым и С.С. Лазаряном явления уходят в драматические разделы Польши, прежде всего, в последний из них, который был близким по времени наступавшей бурной эпохе наполеоновских войн. Последняя много поспособствовала тому, что большое количество военнослужащих польского происхождения, которые оказались во Франции еще

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

до провозглашения империи, связало в дальнейшем свою судьбу с завоевательными планами Бонапарта. Стремясь разыгрывать «польскую карту», которую он использовал на переговорах с Пруссией и Россией, как средство давления на эти государства, Наполеон обещал полякам провозгласить независимость. Немало представителей этого народа поддались на его агитацию и начало вступать в вооруженные формирования, «курируемые» французской стороной. По итогам Тильзитского мира 1807 г. возникло Великое герцогство Варшавское (авторы употребляют другое его название – Варшавское княжество) (С. 6), послужившее своего рода «приманкой» для сторонников польского суверенитета. Надеясь на дальнейшую помощь французов, польские воины дали согласие на использование их в захватнической войне против Испании. Впрочем, польские военные успели повоевать под французской эгидой и на своей территории, вернув ее часть в состав герцогства. Пожалуй, это был единственный позитивный итог для польских комбатантов в тех событиях. Начавшаяся подготовка к войне 1812 г. потребовала напряжения и определенных жертв от населения герцогства, что оказалось для него обременительным... Впрочем, в дальнейшем наступил, как будто, «звездный час» для сторонников польской независимости. 24 июня 1812 г. Великая армия перешла Неман. Однако, как отмечают авторы, поляки, проживавшие в Литве, Белоруссии и Украине, не высказали ожидаемого французами энтузиазма. Да и в действующих частях армии из «дванадцати языков», в состав которых входили поляки, оказалось немало тех из них, кто предпочел плен смерти (с.8). Разумеется, детализация участи польских военнослужащих в войне на российской земле, по-видимому, не входила в задачи авторов. Но, все же, не лишне будет заметить, что те или иные из них отметились на захваченной территории мстостью за ранее понесенные поражения и разделы. Так, из Кремля были вывезены польские трофеи, доставшиеся воинам Минина и Пожарского, принадлежавшие капитулировавшим 26 октября (5 ноября) 1612 г. войскам полковников Струся и Будилы. Что же касается обращения поляков с русскими пленными, захваченными в ходе кампании 1812 г., то они не были озабочены, куда их пристроить (в отличие от русского командования: см. ниже). Им просто разбивали головы ружейными прикладами... Но вот пришел час крушения наполеоновских полчищ. И здесь выяснилось, что содержать безо всякой пользы более чем 200 тыс. пленных плененных солдат французского императора, среди которых оказались и польские *żołnierze i oficerowie* (солдаты и офицеры – польск.) весьма накладно для казны. М. И. Кутузов обратился с предложением на имя военного министра А. И. Горчакова использовать пленных поляков на службе в войсках, находящихся на Кавказской линии. После переброски военных польского происхождения на Кавказ их оказалось здесь почти 9 тыс. чел., что составляло до четверти личного состава войск, находившихся на Линии (с. 10-12)! Вторая волна польского присутствия на Кавказе связана с подавлением восстания в Царстве Польском в 1830-31 гг. Лица польского происхождения оказались в данном регионе в 1832 г. в количестве, опять-таки, около 9 тыс. чел. В период с 1834 г. по 1855 г. на Кавказе находилось до 20 тыс. поляков. Как в случае с пленниками периода Отечественной войны 12 года, так и ссыльными более позднего периода, представители Польши либо использовались на строительных работах, либо несли на Кавказе военную службу. В конце-концов, они были возвращены на родину. Но в родные места удалось отправиться не всем и не сразу. В целом ряде случаев полякам, перемещенным на Кавказ, довелось испытать ту же самую судьбу, что и немалому числу русских солдат, офицеров, казаков, крестьян и мещан, а именно – стать пленниками горцев¹. Причины противостояния российской и горской сторон авторы формулируют очень кратко, что, собственно, и понятно – в их задачи не входило сколь-нибудь подробно рассматривать данный вопрос, чему посвящены другие их исследования, в том числе, монографические. Горцы были объединены в теократическое государство – имапат, наиболее видным руководителем которого был имам Шамиль. Вдохновленные идеями мюридизма, они вели борьбу против Российского государства, стремившегося подчинить жителей гор общеимперским порядкам, к восприятию которых они не были подготовлены предшествующим ходом истории. Среди причин военных действий против России авторы

¹ Ниже авторы отмечают, что среди пленников оказывались не только ссыльные и или пленные поляки, но и лица польского происхождения из знатных слоев, приехавшие на Кавказ делать военную карьеру (С. 18).

называют скудость местных ресурсов, заставлявшую горцев захватывать добычу на стороне, а также традиции, связанные с социализацией юношества. Впрочем, в следующей части работы историки приводят, можно сказать, интегральную дефиницию, которая объясняет причины постоянной напряженности на Кавказе – фронтир (понимаемый вслед за Т.М. Барретом как территория неопределенности). Все эти причины и понятия уже фигурировали в работах ряда историков-кавказоведов, в том числе и авторов рецензируемой книги, и вполне разделяются нами, как и утверждение о том, что горцев к сопротивлению подталкивали иностранные эмиссары из Османской империи и Великобритании.

Вторая часть книги («В плену у горцев») является основной в ее исследовательском блоке. В ней авторы анализируют оказавшийся в их распоряжении пласт архивных документов, изученных ими в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК), и касающихся судеб пленных поляков.

Ситуации, в результате которых они оказывались в неволе у горцев (как метко констатируют авторы, в «двойном плену») были различными. Так Овцентий (Вицентий) Зимбровский (Жембровский) был выкраден «хищниками» на Кавказской линии в 1814 г. Будучи отправлен на земляные работы вместе с другими своими польскими сотоварищами, он неосмотрительно вышел из укрепления с одним из них в ночное время и был схвачен четырьмя горцами. В 1816 г. Вицентию удалось совершить побег, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами. Подобная судьба была у И. Карбовского, Я. Качевича и ряда других поляков.

При иных обстоятельствах оказался в горском плену Андрей Ласюк. Находясь в Кизляре, он заболел и отстал от других польских пленных, которых отправили в родные места. По выздоровлению его и других таких же поляков отправили на работу к местному купцу как даровую рабочую силу, либо с целью заработать себе на жизнь (средства у администрации на пленных находились не всегда: так же зарабатывал себе «на пропитание» в качестве сапожника освободившись из горской неволи и упомянутый выше Качевич) (С. 61). Однажды ночью приказчики купца отдали Ласюка горцам, которые неоднократно перепродавали его из аула в аул (Казанище, Буртунай, Аркас)¹, что было распространенной практикой по отношению к невольникам. Примечательно, что в конце-концов, Ласюк был выдан жителями Буртуная российским властям «по замирении» оных (С. 46), т.е. при принесении присяги, что было обязательным условием принятия российского подданства.

Другие польские пленные оказывались у горцев по собственной воле. Лука Соколовский, отправленный в Грузию, бежал к лезгинам, где стал их рабом. Во время своего восьмилетнего рабства, Соколовский, так же, как и Ласюк, был неоднократно перепродан горцами из одних рук в другие (С. 21). В конечном итоге, жизнь в горах оказалась в тягость этому пленнику и он, с другим поляком, как и многие другие, похищенным джигитами, бежал к русским. Если такие, как Соколовский, были одиночками, то известны случаи и более массового бегства польских солдат бывшей наполеоновской армии к горцам. Авторы приводят воспоминания француза на русской службе П. Гибалья, который в своем дневнике поведал историю около сотни поляков, оказавшихся на Кавказе и бежавших в Кабарду, в надежде на помощь местных жителей. Однако расчет на поддержку кабардинцев, как предполагаемых противников русских, оказался неверным. После хорошего приема поляки были затем коварно захвачены и стали рабами, либо проданы для обращения в такое же состояние, но на стороне. Правда, по словам Гибалья, горцы относились к своим рабам хорошо, но, как справедливо отметили авторы, «это было скорее рачительное отношение хозяина к своей вещи, которая может принести пользу, пока находится в хорошем состоянии» (С. 32-33). По свидетельству К. Калиновского, одного раба, также первоначально довольного своим положением, после того, как он заболел, хозяин вытащил за ноги в соседний лес и бросил там умирать.

Судьбы польских пленных, представленные авторами, высвечивают ту непростую обстановку, которая существовала на Кавказской Линии в первой половине XIX в. Набеги горцев порой наводили такую панику, что способны были дезорганизовать и расстроить функционирование осуществляемых властями действий по управлению краем. Так, поляк Ян Погиднов оказался в горском плену из-за того, что казаки, сопровождавшие

¹ Пленный произносит эти названия с искажениями.

военнопленного, узнав о действиях черкесов, нападавших на подобные конвои, бежали, бросив своего подопечного на произвол судьбы (С. 23). Погиднов оказался захваченным закубанцами, у которых пробыл 12 лет, пока не был обменян на пленных горцев.

В связи с последним обстоятельством авторы верно отмечают, что у российских властей существовала практика захвата горцев в плен для обмена на своих пленных, имело место создание своего рода «обменного фонда» (С. 24). Это был один из способов борьбы администрации с захватом и продажей пленных, осуществлявшейся самыми жесткими (и жестокими) мерами. Он понятен в историко-культурном и политическом контексте эпохи, но одновременно указывает (наряду с некоторыми другими фактами) на далеко зашедшую «адаптацию» российской армии к специфическим кавказским условиям. Само же основание крепости Грозной, как и ряда других (Внезапной и др.) А.П. Ермоловым преследовало цели пресечения работорговли (Великая, Великая, 2017).

Продолжая разговор о лицах польского происхождения, имевших отношение к пленению горцами, отметим, что среди них были и те, кто, по сути дела, были искателями приключений, авантюристами. Таков Ю. Закревский, который, будучи направленным на Кавказ, бежал и затем блуждал в поисках средств к существованию и перспектив между Черноморией и Георгиевском. Оказавшись в руках властей, он решил вызвать к себе сочувствие и назвал себя «выходцем из горских народов», назвавшись при этом вымышленным именем и фамилией. Это указывает на знакомство Юзефа Закревского с ситуацией на Кавказской Линии и теми перипетиями, которые доводилось испытывать как проживающим здесь россиянам, так и отправленным сюда полякам. Но этот прием не прошел, и вот тогда-то указанный субъект и назвался Закревским, выходцем из Варшавской губернии. Но в результате запроса выяснилось, что таковое лицо никогда не проживало по указанному адресу. В конечном итоге, лжеЗакревский (?), которого за бродяжничество решено было отправить в Сибирь, сбежал от своего поручителя и скрался в неизвестном направлении.

Еще одной группой поляков, пребывавших в горском плену, были те, кто пошел по пути адаптации в местной среде. Таков был К. Левандовский, женившийся на местной женщине, родившей ему четверых детей. Однако это не остановило его от бегства к русским, которых он уже воспринимал как «своих». Близкой была судьба Ф. Кобылянского, женившегося в плену на черкешенке и затем бежавшего с ней и дочерью в Геленджик. Женитьба на горянке была довольно типичным способом приспособления к жизни в горском социуме для целого ряда других «кавказских пленников» вообще, важным шагом в процессе смены идентичности (Дударев, Дударев, 2017). Однако Кобылянский, как видим, не пошел по этому пути до конца, покинув горскую среду.

Примечательно, что среди польских пленников, находившихся у горцев, были не только бывшие солдаты Великой армии или участники восстания 1830–1831 гг. Авторы приводят пример М. Найдовского, оказавшегося на богомолье в Киеве, где он нанялся в денщики к офицеру, который отправлялся служить на Кавказ. По прибытию во Владикавказ Найдовский стал жертвой жестокого обращения со стороны своего нанимателя, что послужило причиной его бегства и последующего захвата горцами. В длительном плену Найдовского ждала участь, очень близкая многим другим пленным, как польским, так и русским: тяжелые хозяйственные работы, отсутствие всякой гигиены и т.п. Подобно многим другим невольникам, он часто менял хозяев. В плену он встречал и русских дезертиров, о существовании которых в то время (и ранее) хорошо известно историкам-кавказоведам. Выдача таковых (как и пленных) властям была непременным условием со стороны последних к горцам, подчинявшимся российской власти, отказ же вел к репрессиям (С. 24). В конечном счете, Найдовский был сослан в Сибирь, как бродяга.

Впрочем, среди поляков, бежавших к горцам, было и немало тех, кто не просто отбывал роль пленника, не теряя надежды на бегство, но и сознательно находился в рядах тех, кто воевал с российской армией. Это относится, прежде всего, к участникам польского восстания конца 20-х – начала 30-х гг. XIX в. Как отмечают авторы со ссылкой на дипломатические источники, на стороне горцев воевали как беглецы из русской армии, так и те, кто специально проник в ряды сражавшихся с ней горцев через территорию Османской империи (С. 31). По существу, это были предшественники тех польских легионеров, которые

дрались на стороне адыгов под командованием Т. Лапинского, эпопею которых авторы данного исследования рассмотрели в другой своей книге (Клычников, Лазарян, 2019).

Однако судьбы польских дезертиров из российской армии, желавших мстить российской стороне, как показано Ю.Ю. Клычниковым и С.С. Лазаряном, были весьма превратными. Авторы, опираясь на свидетельства как российских, так и иностранных (британских) источников 30-х гг. XIX в. (воспоминания Ф.Ф. Торнау, Дж. Лонгворта и др.) показывают тот факт, что беглые поляки у адыгов оказывались в неволе, служба товаром, а совсем не «товарищами по оружию». Горцы, кроме этого, использовали представителей данного контингента для обмена на своих соплеменников, плененных российскими войсками (С. 34). По показаниям К. Калиновского, дезертиры, скрывавшиеся в горах, одновременно сами же участвовали в торговле «живым товаром» (С. 35). При этом исследователи совершенно верно указывают на то, что на путь дезертирства становились далеко не все польские военнослужащие российской армии, будучи в своей массе верными присяге, что особенно убедительно недавно было показано О. В. Матвеевым (Матвеев, 2015). Впрочем, им следовало бы подчеркнуть и тот факт, что у разных групп горцев, воевавших с российскими войсками, было разное отношение к беглым военнослужащим императорской армии. Если адыги порабощали беглых поляков, то имам Шамиль привечал всех российских беглых, в том числе и поляков, стремясь, тем самым, внести раскол в ряды противоборствующей стороны. Впрочем, название мемуаров К. Калиновского красноречиво включает в себя и слова «неволя у Шамиля». Эта неволя оказалась весьма своеобразной. С одной стороны, она давала Калиновскому то ощущение свободы, после которого жизнь у русских (к которым он, однако, вернулся) показалась «мертвой». И в то же время, этот поляк порвал с такой свободой, помогая русским в освобождении пленников, участь которых была очень тяжелой (С. 35): облегчение давалось только тем, кто изменял присяге и вере. Недаром на Руси говорили: «Какова воля, такова и неволя».

Авторы завершают вторую часть работы справедливой констатацией того, что плен и рабство были частью обыденной северокавказской повседневности первой половины XIX в. Участь раба могла выпасть на долю практически любого россиянина, который жил в этом регионе в то время. Причина же заключалась в той общественной практике, которая существовала в то время у народов региона, когда весь он являлся потенциальным «полем охоты» за невольниками. Заметим, что видный советский историк-кавказовед А.И. Робакидзе очень выразительно называл практику пленопродавства национальным бедствием, ранние формы которого имели характер национальной индустрии (Робакидзе, 1988). Главными потребителями «живого товара» с Кавказа были государства Востока, особенно Османская империя. Современники очень хорошо понимали необходимость разрыва этой порочной цепи, и среди них был и «наше всё» – А.С. Пушкин (Пушкин, 2010). Только с завершением т.н. «Кавказской войны» с этим позорным явлением было покончено. Впрочем, как показывает недавняя история, не навсегда. С начала дестабилизации обстановки на Северном Кавказе в 1990-е гг. практика захвата людей для превращения их в предмет торга и эксплуатации пережила реанимацию. В дудаевско-масхадовской Чечне вновь стали функционировать «зинданы»¹, набитые несчастными людьми, похищенными как на территории этой республике, так и в соседних регионах, а также в Центре, функционировали рабские «рынки». Покончить с данными явлениями удалось только после «второй чеченской кампании». Впрочем, это уже совсем другая история.

Возвращаясь же в русло основного повествования, необходимо указать и на то, что книга Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна сопровождается достаточно емким списком основных источников и литературы. В приложениях же публикуются ценные документы из Государственного архива Ставропольского края, являющиеся важными источниками о судьбах польских пленников, которые ныне могут быть использованы всеми, кто заинтересуется данной темой, чтобы составить свое представление о рассмотренной теме. Давая проделанной работе высокую оценку, одновременно нужно сделать и некоторые

¹ Мемуары «кавказских пленников» определенно указывают на то, что в XIX в. этого термина не существовало. Он, похоже, был перенесен из литературы о Востоке в сегодняшнюю действительность только в наше время и превратился своеобразный «ориенталистский» штамп.

замечания. Качественное исследование уважаемых авторов наглядно показывает, что польские пленники поневоле стали на какое-то время (а ряд их – и навсегда) частью «русского мира» на Кавказе, а значит и разделили те или иные его перипетии. Одной из крайне нелегких из них стал плен у горцев. Историки совершенно верно и точно приходят к выводу о том, что пройдя его, поляки прошли через очень важную трансформацию представлений о «своем» и «чужом» (что предоставляет крайне интересный материал для тех ученых, которые ведут исследования в русле имагологии) (С. 40). Прошедшим через тернии «двойного плена» «русский мир» становился гораздо ближе, нежели первоначально. И тем внимательнее нужно было сопоставить типичные ситуации попадания в плен и модели пребывания в нем, связанные с польскими пленными, с аналогичным материалом, известным по пленникам-россиянам (Великая, 2013; Великая, 2015). Интересно было бы и выявить отношение польских пленных к миру горцев, их культуре, быту, менталитету и т.п. Полагаем, что это задача будущих исследований.

В целом работа Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна вносит важный вклад в познание особенностей контактов представителей Польши с миром Кавказа в экстремальной ситуации, разумеется под углом зрения феномена кавказского рабовладения (пленопродавства, пленовладельчества), проявившегося, в данном случае, на оригинальном материале межкультурных связей еще одного народа Восточной Европы и кавказцев в контексте международных и внутрироссийских событий первой половины XIX в.

Литература

Великая, 2013 – Великая Н.Н. Пленные славяне в горах Северо-Западного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 7. / Научн. ред, сост. О.В. Матвеев. Краснодар: «Эдви», 2013. С. 84-91.

Великая, 2015 – Великая Н.Н. Причины нахождения россиян в среде горцев Северо-Восточного Кавказа (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т.9(41). М.: Русская панорама, 2015. С. 90-101.

Великая, Великая, 2017 – Великая Е.В., Великая Н.Н. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801-1859 гг.). Монография. Армавир: РИО АГПУ, 2015. С. 81.

Дударев, Дударев, 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. С. 198.

Клычников, Лазарян, 2019 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Польские инсургенты в рядах «немирных» горцев. Пятигорск, 2019. 90 с.

Матвеев, 2015 – Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.

Пушкин, 2010 – Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / Опальные: Русские писатели открывают Кавказ в 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 404-421.

Робакидзе, 1988 – Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказ // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1988. С. 14-15.

References

Dudarev, Dudarev, 2017 – Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017). Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka [The North Caucasus through the eyes of representatives of russian society in the first half – mid-19th century]. Armavir; Stavropol': Dizain-studiya B. P. 198. [in Russian]

Klychnikov, Lazaryan, 2019 – Klychnikov, Yu.Yu., Lazaryan, S.S. (2019). Pol'skie insurgenty v ryadakh «nemirnykh» gortsev [Polish insurgents in the ranks of "non-peaceful" highlanders]. Pyatigorsk, 90 p. [in Russian]

Matveev, 2015 – Matveev, O.V. (2015). Kavkazskaya voyna: ot fronta k frontiru [Caucasian war: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Istoriko-antropologicheskie ocherki. Krasnodar: Edvi, 272 p. [in Russian]

Pushkin, 2010 – *Pushkin, A.S.* (2010). Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda [Journey to Arzrum during the campaign of 1829]. Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz v 3 t. Stavropol': Izd-vo SGU, T. 1. Pp. 404-421. [in Russian]

Robakidze, 1988 – *Robakidze, A.I.* (1988). Nekotorye cherty gorskogo feodalizma na Kavkaz [Some features of highland feudalism in the Caucasus]. Razvitie feodal'nykh otnoshenii u narodov Severnogo Kavkaza. Makhachkala: Dag. filial AN SSSR, In-t istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy, pp. 14-15. [in Russian]

Velikaya, 2013 – *Velikaya, N.N.* (2013). Plennye slavyane v gorakh Severo-Zapadnogo Kavkaza [Captured Slavs in the mountains of the Northwest Caucasus]. Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vyp. 7. Nauchn. red, sost. O.V. Matveev. Krasnodar: «Edvi», pp. 84-91. [in Russian]

Velikaya, 2015 – *Velikaya, N.N.* (2015). Prichiny nakhozhdeniya rossiyan v srede gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza (pervaya polovina XIX veka) [The reasons for the presence of Russians among the highlanders of the North-East Caucasus (the first half of the XIX century)]. *Kavkazskii sbornik*. T. 9(41). M.: Russkaya panorama, pp. 90-101. [in Russian]

Velikaya, Velikaya, 2017 – *Velikaya, E.V., Velikaya, N.N.* (2017). Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801–1859 gg.) [Peaceful forms of integration of the North-East Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)]. Monografiya. Armavir: RIO AGPU, p. 81. [in Russian]

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГУ, 2018. 84 с.

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследование профессоров Пятигорского университета посвящено ранее малоисследованной теме нахождения в плену у горцев Северного Кавказа лиц польской национальности. Они оказались в руках горцев в связи с тем, что в результате различных исторически событий (участия поляков на стороне Наполеона в его походе на Россию в 1812 г. и подавления польского восстания 1830–1831 гг. царскими войсками) оказались на территории данного региона. Авторы рассматривают обстоятельства пленения поляков горцами, что позволяет выделить ряд типичных ситуаций и причин, связанных с этим. Они отчасти сходны с теми, при которых у горцев оказывались пленные и перебежчики русского происхождения (неосторожное поведение в пути, похищение, дезертирство, желание избежать насилия со стороны начальствующих лиц, стремление к борьбе с российской армией на стороне горцев, и т.п.). Историки уделили внимание и путям адаптации пленных поляков в горской среде, которые, прежде всего, у адыгов, в большинстве случаев находились на положении рабов. Рецензируемая работа обогащает наши представления о положении лиц иноэтничного происхождения, находившихся в горском плену в первой половине XIX в. на Северном Кавказе.

Ключевые слова: наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., польское восстание 1830-1831 гг., пленные и ссыльные поляки, набеги горцев, фронтир, «двойной плен», поляки в рабстве у горцев.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)